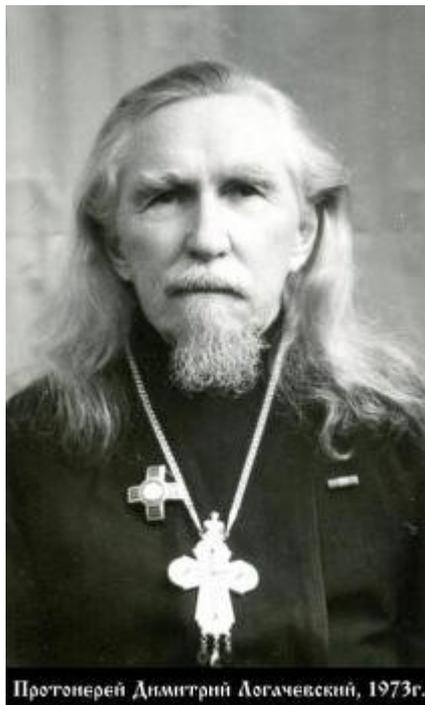

Протоиерей Логачевский Дмитрий Андреевич

Год рождения 1901

Место рождения Башкирия, Благовещенский р., село Поляны
священник

Протоиерей Дмитрий Логачевский, 1973г.

*Протоиерей Дмитрий
Логачевский, 1973г.*

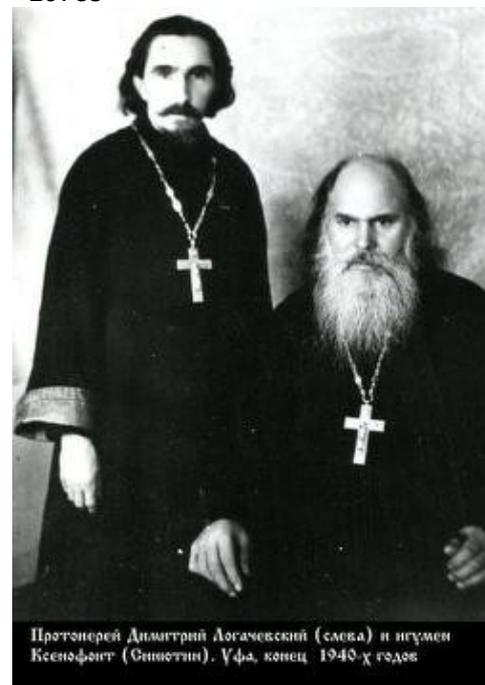
Протоиерей Дмитрий Логачевский с супругой Марией Венедиктовной в день 80-ти летия. Куйбышев, октябрь 1981г.

*Протоиерей Дмитрий Логачевский с супругой Марией
Венедиктовной в день 80-ти летия. Куйбышев, октябрь
1981г.*

Протоиерей Дмитрий Логачевский с матушкой Марией. Уфа, 24 декабря 1946г.

*Протоиерей Дмитрий Логачевский с матушкой Марией. Уфа, 24
декабря 1946г*

Протоиерей Дмитрий Логачевский (слева) и игумен
Ксенофонт (Синютин). Уфа, конец 1940-х годов

*Протоиерей Дмитрий Логачевский и
игумен Ксенофонт (Синютин). Уфа,
конец 1940-х годов*

ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ [с 1933г.] [с 1942г.]

Аресты

Башкирия (?)

Год ареста 1933

День ареста 13

Месяц ареста 4

Осуждения

29 /04 /1933

Статья ст.58–10 УК РСФСР

Места заключения

Уфимские лагеря

Год окончания 1942

Находился в лагерях в 1930–1940-е годы

Служение

Уфа, Сергиевская церковь

священник

Год начала 1942

Препровожден из лагеря в церковь для совершения регулярных богослужений.

Впоследствии о.Димитрий был удостоен медали "За доблестный труд в годы

Великой Отечественной войны"

Реабилитация

Дата 16/05/1989

По году репрессий 1933

– Публикации

Мохов В., прот., Зими́на Н.П. Мученический и исповеднич. путь Церкви в Уфимской епархии (1917–1987гг.)// Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Института: Материалы 1992–1996. М., 1996.

– Документы

Архив УФСБ РФ по Республике Башкортостан. Ф.2. Оп.2. Д.10.

Претерпевший до конца

Настоятелю самарского Покровского собора протоиерею Димитрию Логачевскому выпала трудная и прекрасная судьба...

В воскресенье 4 октября после второй Литургии духовник самарского Кирилло-Мефодиевского собора архимандрит Нектарий (Мохов) пригласил всех желающих в свой кабинет в духовно-просветительском центре «Кириллица». И с радостью представил нам приехавшую из Уфы **Ирину Николаевну Ентальцеву** - она библиотекарь-библиограф, член Союза краеведов России, уже 20 лет заведует библиотекой Уфимской Крестовоздвиженской церкви. Ирина Николаевна много лет собирает материалы о подвижниках Православия, в том числе и о тех, кто служил в Самарской епархии. Героями ее рассказа стали удивительный батюшка, протоиерей Димитрий Логачевский и его верная спутница матушка Мария. Отец Димитрий начинал свое служение в Уфимской епархии, а последние тридцать лет служил в Самарском Покровском кафедральном соборе.

- Отец Димитрий Логачевский служил в храме до девяноста лет, - начала свой рассказ Ирина Николаевна. - Двадцать пять лет из них он был настоятелем Покровского кафедрального собора в Куйбышеве, как в советское время называли Самару. Это было в те годы, когда Митрополит Иоанн (Снычев) служил в Куйбышеве. В восемьдесят лет протоиерей Димитрий просился за штат, но Владыка Иоанн сказал: «Пока я здесь, ты будешь служить». А когда отец Димитрий по-старчески стал слепнуть и глохнуть настолько, что уже трудно было ему служить Литургию, настоятелем назначили протоиерея Иоанна Гончарова, «самарского златоуста».

- За что Митрополит Иоанн так любил отца Димитрия Логачевского? - спросила я протоиерея Иоанна Гончарова несколько лет назад.

И он ответил:

- За ревностное отношение к службе. Отец Димитрий был первый его помощник, опора его, правая рука... Он помогал Владыке строить приход в настоящем богословском плане, чтобы и служба была, и проповедь, и отношение чтобы было настоящее ко всему. Он был проводником благодатной энергии Владыки среди нас и прихожан...

- А чем он сам Вам запомнился?

И тут отец Иоанн растерялся и стал подбирать слова.

- Он был настолько хороший человек, что о нем самом и сказать особо нечего... Ревнитель благочестия. Настоящий служитель Церкви... Он был примером для нас, молодых священников, нас вдохновлял... Гонял лодырей, заставлял больше служить, приходиться на акафисты... Он любил Богослужение, любил пение церковное.

Когда уже на покой ушел, он говорил: «У меня все время хор звучит в ушах», - как будто небесное пение у него все время было в голове. Такой бодрый был, такой энергичный до самой своей смерти. Радостный о Боге.

Протоиерей Олег Булыгин рассказывал: «Отец Димитрий был очень добрый и отзывчивый человек. Когда меня увозили в больницу из-за ущемления грыжи, он в час ночи пришел меня причастить перед операцией. Шел ко мне ночью - в 80 лет! Причастил, и я поехал в больницу. Доброта такая. Не было случая, чтобы он накричал на кого-то, обидел. Он был очень внимательный к народу и ко священникам. Я прослужил с ним двадцать лет, и у нас не было никаких споров».

А Митрополит Мануил (Лемешевский) об отце Димитрии сказал: «Он - кроткий».

Кротость - это же одна из высших добродетелей христианина, когда человек в любых обстоятельствах пребывает в мире с самим собой и Богом и в любви к ближнему.

Кротость не есть малодушие. По словам святого Ефрема Сирина, «кроткий, принимая на себя удары, остается тверд». А ударов отцу Димитрию Логачевскому пришлось пережить немало.

Вымоленное дитя

Дмитрий Логачевский родился в 1901 году в семье протоиерея Андрея Логачевского (в те годы его фамилия писалась так, через «о»), в селе Поляна Уфимской губернии, где его отец прослужил сорок лет, до самой смерти в 1936 году. Отец Андрей, приняв в молодости недавно построенный Христорождественский храм, не жалел сил и средств на его благоустройство, на иконы. Прихожане любили доброго батюшку. Каждая семья в Поляне от мала и до велика бывала в храме по воскресеньям и праздникам.

Монахиня Серафима (Машкина) вспоминала:

- Какая служба была! Нет дождя - батюшка отслужит молебен и дождь пойдет; слишком много дождя - он служит молебен и дождь кончается.

Но об избавлении от своей собственной беды молиться ему пришлось долго. У отца Андрея и матушки Анны в семье больше десяти лет не рождались дети. Они взяли приемную дочь, больную девочку Варю и молились святому Димитрию Солунскому о рождении своего ребенка. Их долгожданный первенец родился 24 октября (6 ноября н.с.) 1901 года, в праздник иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и за два дня до праздника этого святого. Мальчика назвали Дмитрием. Потом родилась еще дочь, а приемная дочка Варвара много болела и умерла рано.

В жизни Дмитрия были общие черты с житием его Небесного покровителя. Святой воин Димитрий Солунский также родился у благочестивых родителей после их долгих молитв о первенце, он жил в годы гонений на Церковь и пострадал за Христа. Тихий и кроткий, отец Димитрий Логачевский после арестов и тюрем всегда возвращался служить в церковь, он был по духу истинный воин Христов

В 1901 году в нескольких верстах от села Поляна был основан Свято-Георгиевский монастырь «Святые Кустики», там был в ивняке чудотворный источник. Монастырь начинался с бедной избышки с худой крышей, куда привезли несколько монахинь из Бирского монастыря. Их молитвенный подвиг, смирение и трудолюбие вызывали всеобщее уважение. Вскоре в монастыре появились новые насельницы из крестьянских девушек соседних сел. Местные жители помогали монастырю в строительстве храма. Дмитрий Логачевский рос вместе с монастырем «Святые Кустики». Ежегодный Крестный ход из Поляны в монастырь на престольный праздник Вознесения Господня возглавлял отец Андрей Логачевский. Дорога шла через холмы, потом живописным ущельем. На престольный праздник собирались молиться тысячи людей из разных сел, деревень, были и дальние богомольцы. Возможно, что Дмитрий бывал вместе с отцом и на всенародных помочах при постройке нового храма для монастыря, ведь он с детства мог многое делать своими руками, умел держать в руках и топор, и пилу, и малярную кисть, что потом не раз спасало ему жизнь в трудные годы. И конечно же он участвовал вместе с отцом в праздничных монастырских Богослужениях, ведь он, как и отец, не мыслил своей жизни без церкви, без Литургии..

Детство Дмитрия Логачевского проходило в играх с детьми диакона Венедикта Агрова. Все игры у них были связаны с церковью, Митя был в играх священником, служил Литургию, крестил, отпевал, а его ровесница Маша Агрова всегда была в играх матушкой. «Нас в игре венчали. А выросли мы - и повенчались на самом деле. Так всю жизнь вместе и прожили, - рассказывала потом Мария Венедиктовна Логачевская. - Как вижу в окно, протоиерейский сынок в церковь на службу пошел, значит, и мне пора собираться. Куда он пошел, туда и я».

Когда Дмитрия Логачевского увозили в Уфу учиться в духовном училище, ему было лет одиннадцать или двенадцать, он был маленького роста и казался совсем ребенком. С ним вместе посылали в Уфу слугу для того, чтобы он за ним там присматривал. Перед разлукой они с Машей кинулись друг к другу и горько плакали, стоя, обнявшись, как будто навек прощались. Маша тут же пристала к отцу, и ее тоже отправили в Уфу в епархиальное женское училище. Они опять были рядом.

Протоиерей Дмитрий и матушка Мария Логачевские.

Так было в течение всей жизни: куда бы ни посылали служить отца Дмитрия Логачевского, был ли он в ссылке, в тюрьме, - Мария всюду следовала за ним. Выросшая молитвенницей, с сильным характером и золотыми руками, она была надежной помощницей в любых обстоятельствах. «Он же без меня там погиб бы, если бы я за ним не ехала. Кто стал бы его там кормить?» - говорила она и следовала за ним, куда бы его ни сослали. Но дело было, скорее, в духовной потребности быть всегда рядом.

«Они очень любили друг друга. Отец Дмитрий не мог жить без Марии», - говорили родные.

Дмитрий Логачевский окончил в числе лучших Уфимское духовное училище в 1916 году и запомнился там как «скромный, благонравный мальчик». Он учился на третьем курсе Уфимской Духовной семинарии, когда после революции она была закрыта. Маша Агрова успела окончить епархиальное училище в 1917 году с дипломом домашней учительницы, и у нее уже были свои ученицы.

Дмитрий Логачевский мог выбрать себе специальность вне Церкви, впоследствии ему приходилось работать маляром, штукатуром, бухгалтером, он любил садоводство и цветоводство. Но он остался верен выбранному им священническому пути, хотя в первые же годы советской власти пострадали многие из священнослужителей.

После 1917 года начались гонения на Церковь, разорение храмов, аресты священников. В 1919 году после пыток во время допросов был расстрелян уфимский соборный протоиерей, уроженец Самарской земли, священномученик Евграф Еварестов, человек, которого знали и уважали многие, неутомимый труженик на ниве церковной, замечательный миссионер, педагог - Дмитрий учился у него в семинарии. 18 августа 1921 года был убит по дороге из храма Епископ Уфимский Симон (Шлеев; в августе 2000-го года канонизирован как священномученик в лике Новомучеников и Исповедников Российских). В него стреляли в упор люди в черных кожанках.

И зная это, Дмитрий все же решил стать священником, он поступил в 1921 году на пастырские курсы. В 1923 году, после окончания курсов, он венчался с Марией Агровой. Свадьбу сыграли в родном селе на Ильин день. В этот праздник по местной

традиции единственный раз в году в церковь крестьяне привозили освящать мясо, и отделяли священнику и диакону часть. Жили они при советской власти бедно, и в другое время устроить свадебный стол с мясом уже не смогли бы.

Рукоположение во священника долго откладывалось. Назначенный на место убиенного Епископа Симона новый Епископ Уфимский Борис (Шипулин) до 1924 года был в Перми в заключении. Только в феврале 1924 года он, отпущенный на поруки верующих, с грозящим ему семилетним тюремным сроком, вернулся в Уфу и рукоположил Дмитрия Логачевского во диакона, а 24 февраля 1924 года во время Литургии в уфимском Успенском храме - во иерея.

Сначала молодой священник помогал служить своему отцу в церкви села Поляна, а вскоре ему дали свой приход в селе Дубровка Бирского района. Он стал самым молодым благочинным Бирского района. Затем он служил в селах Артакул, Иглино...

Тернистый путь: тюрьмы, ссылки...

Матушка Мария любила рассказывать, как они ходили в паломничество в Саров, в монастырь, в 1927 году вместе с отцом Димитрием и его другом. Они очень долго шли. «Я стерла ноги до болячек, и они несколько последних километров несли меня на руках, скрестили руки и так несли».

Когда они пришли в монастырь, вечером там была последняя всенощная, а утром они попали на последнюю службу монастыря. Обитель закрыли, монахов кого разогнали, кого арестовали. На прощание какой-то монах дал батюшке посох, и он расстроился: «Наверное, меня заберут». И точно, его скоро забрали, и с этим посохом он в тюрьму ушел.

Отбыв тюремный срок, он снова стал служить в храме. И снова был арестован. Аресты следовали один за другим по самым нелепым обвинениям: почему у него фамилия польская, не польский ли он шпион, или не беглый ли он арестант под чужой фамилией... После очередного срока он шел снова служить в храм. Однажды даже архиерей не выдержал, предложил ему хотя бы на время оставить храм, найти другую работу. Он не согласился.

В 1932 году отца Димитрия арестовали во время Богослужения. В храм в селе Иглино во время Причастия зашли люди в черных кожанках: «Настоятель - ты?» - «Я». Он передал кому-то Чашу со Святыми Дарами: «Потом продолжите». Пришедшие за ним сорвали с него епитрахиль, он остался в одном подряснике и молча молился Богу.

Протоиерей Олег Булыгин говорил: «В Сибири, в Кемеровской области, он выжил только потому, что его поставили в тюрьме (или в лагере? в ссылке? - **И.Е.**) бухгалтером. На кого могли положиться там, как не на священника? Высылали туда ведь людей, чтобы поскорее умерли. А он десять лет отсидел. Что отец Димитрий рассказывал об этом времени? Мало. О лагерях рассказывать им было нельзя... Когда отец Димитрий был в ссылке, пока их куда-то везут в телячьем вагоне, а ведь не говорили, куда везут, матушка узнает как-то и приедет, куда их вывезут. Они приедут, а она их уже на перроне встречает. Никто никого из ссыльных не встречает, а она встречает».

Рассказывали, что когда отца Димитрия направили в ссылку в небольшую сибирскую деревню, там самим нужно было искать, где остановиться. Сначала люди боялись их брать на постой, ведь их объявили врагами народа. Пустили переночевать их с товарищем-священником в бедную избушку. В доме клопы, тараканы, хозяйева положили спать ссыльных на стол, чтобы их клопы кусали меньше, но и там нет покою.

Вышли священники во двор и ну дрова колоть. Утром хозяин вышел - а во дворе уже куча дров. Вот тебе и ссыльные, вот тебе и злодеи.

Когда народ прознал, какие они работающие, то на них очередь установили, у кого им жить. Они по два дня в каждом доме жили. И когда Мария приехала к мужу в эту деревню, то их на квартиру наперебой приглашали. Поехала в ссылку к нему она в одном платье, а в Сибири уже зима. Она многому научилась в ссылках: делать туфли с веревочной подошвой, красиво стегать одеяла, даже сетки от мошки плела на продажу. Так и жили.

А когда отца Димитрия снова перевели в Уфу, в тюрьму, то оказалось, что здесь, на родине, Марии переночевать не у кого. Постучалась к одной родственнице и увидела на ее лице испуг: «Прости, Маруся. Но не ходи к нам ночевать. У меня ведь дети малые».

Больше ни к кому не стучалась. «Зачем подводить людей, и правда, пострадать могут: отца-то Димитрия снова врагом объявили», - рассказывала она журналистке Галине Старухиной.

Трудной была жизнь семей арестованных священнослужителей и других «врагов народа». Они попадали в категорию лишенцев и часто оставались без средств к существованию. Дети не имели права получать образование выше начального, если публично не отрекались от своего отца, «врага народа», или не скрывали свое происхождение. А их матерям трудно было получить работу даже уборщицы. Жили под угрозой ареста. Не все могли вынести этот крест - быть изгоями на родной земле. Младшая сестра Марии Венедиктовны, Таисья, публично отреклась в газете от своего отца-диакона и стала комсомолкой. Она была спортсменкой, чемпионкой Башкирии по стендовой стрельбе. Брат Марии женился на коммунистке, и она запрещала ему общаться с репрессированными родственниками, сестра вышла замуж за коммуниста...

Помощь Божия и Святителя Николая

Ночевала Мария в Уфе где придется. Спала на скамейках. А как-то ей удалось пробраться на пристани на парходик. Ночью всех сторож повыгонял, а ее не заметил. «Бог меня оберегал, укрывал от злых глаз», - говорила Мария Венедиктовна. Так все лето и провела, считай, на улице: то на пароходе, то на скамейке. А днем мужа в тюрьме навещала, подкармливала, чем могла.

Ирина Логунова рассказывала, что матушка Мария, когда батюшка был в тюрьме, все лето жила на речном вокзале, ночи напролет сидела на скамеечке. «И когда проходили и билеты проверяли у всех, - вспоминала матушка, - я сидела и про себя читала акафист Святителю Николаю, наизусть, и они мимо меня проходили, как будто не замечали». Николай Чудотворец помогал. И так до холодов она на вокзале ночевала.

Спустя долгие годы, когда власти стали разрешать ходить в церковь, супруги Логачевские принимали у себя в гостях всех своих родственников, приезжавших в Самару, чтобы отдохнуть на Волге или же по делам. У комсомолки Таисьи жизнь не сложилась, и она стала снова ходить в церковь, и даже стала крестной матерью своего племянника.

Пока же отец Димитрий с матушкой были изгоями и полагались только на помощь Божию.

Трудармия

С началом Великой Отечественной войны отец Димитрий Логачевский был направлен на строительство оборонительных сооружений под Ленинград. В одних источниках это называют трудармией, в других - стройбатом.

Сам он очень мало рассказывал о войне, впрочем, как и обо всей своей жизни. Но один случай он рассказывал не раз и не два, о том, как ему на войне спасли ногу. Он не умел наматывать портянки. И как-то во время большого перехода он так натер ногу портянками, что образовалась язва, пошло воспаление, боль страшная, температура, жар. Фельдшер сказал, что у него гангрена, нужно ехать к хирургу, а машина уже ушла. Вернулся расстроенный, а жили они у какой-то старушки. Она говорит: «Что случилось?» Он показал ей воспаленную ногу. Она взяла веник березовый, распарила его, листья ободрала и завязала ему их, словно компресс. И за два-три дня воспаление спало, раны начали зарубцовываться, хотя следы на ноге от язвы остались у него на всю жизнь. И он всем советовал так лечить нарывы березовыми листьями. Любыми - свежими или сушеными.

Этот случай он рассказывал многим людям. В своих немногих рассказах о прошлом отец Димитрий не боялся выглядеть немощным, слабым, смешным. Вот не умел он наматывать портянки - и из-за этого чуть было не потерял на войне ногу. А деревенская бабушка ногу спасла самыми простыми подручными средствами, и эти средства могут помочь и другим. Он рассказывал то, что считал полезным для собеседника, и при этом ничуть не щадил себя.

Еще он рассказывал Ирине Логуновой о том, что в трудармии голодно было, а рядом было поле с мороженой картошкой. Они там только мороженую картошку и ели, и он потом на картошку несколько лет смотреть даже не мог.

В сорок втором году Логачевского вдруг вызывают в штаб и спрашивают:

- Ты - поп?

- Поп.

- Давай, собирайся, езжай.

И отправили его в Уфу. Он и не знал еще, что вышло распоряжение Сталина открыть на время войны часть храмов для Богослужений. Мог бы ответить - какой поп, я больной, хромой инвалид... Нет, не отрекся.

В сопроводительных документах написали, что Дмитрий Андреевич Логачевский направляется в Уфу на лечение после ранения. Но в Уфе его сразу отправили в лагерь, где поставили маляром. Он шутил: как видно, сочли, что это самое лучшее лечение для больной ноги.

В Уфимском Свято-Сергиевском соборе

В 1943 году отец Димитрий начал служить в уфимском Свято-Сергиевском кафедральном соборе. На первые службы в храм его водили из лагеря под конвоем. Потом разрешили жить с семьей дома. Снимали жилье они в полуподвале недалеко от храма. Матушка Мария шила рукавицы для фронта. Хотя такого голода, как в блокадном Ленинграде, в Уфе не было, но даже у Сергиевского собора была съедена вся крапива и лебеда. И по всему городу едва ли не на каждом клочке земли были огородные грядки, посажена картошка... Говорили, что матушка из ничего могла сделать вкусный обед. Она **выходила** еле живого от истощения мужа.

В 1944 году он стал настоятелем собора и был возведен в сан протоиерея, вскоре был награжден золотым наперсным крестом, медалями «За победу над Германией» и «За

доблестный труд в Великой Отечественной войне». Много средств собрали прихожане собора в помощь фронту и госпиталям.

Около пятнадцати лет отец Димитрий служил в Сергиевском соборе вместе с игуменом Ксенофонтом (Синютиным) и иеромонахом, а затем архимандритом Моисеем (Чигвинцевым), который впоследствии был прославлен в лике святых. К этим батюшкам не прекращался огромный поток людей, ищущих духовных советов и утешения.

На Богослужениях было прекрасное церковное пение. В соборе было три клироса - один из профессиональных певцов, второй монашеский, где было много монахинь из разоренного монастыря «Святые Кустики», и детский хор из сирот, росших при храме, и из семьи расстрелянного священника Михаила Черных. Все они, ставши взрослыми, продолжали петь на клиросе, и одна из них - Нина Михайловна Астахова, впоследствии схимонахиня Рафаила († 9 ноября 2007 г).

У Логачевских не было своих детей, и они взяли к себе матушкину племянницу Ларису, воспитывали ее, как свою дочку. У девочки был хороший голос и слух. В шесть-семь лет она уже пела соло на клиросе.

Количество прихожан все росло. В Сергиевский собор приезжали люди и из Челябинской и из Куйбышевской епархий, ведь почти все церкви были закрыты. Крестились сотни людей, становясь «хороводами» вокруг небольшого собора.

Отец Димитрий вместе с Владыкой Стефаном (Проценко) ездил по Башкирии, помогая открытию новых храмов.

Такая бурная деятельность священников не могла остаться вне поля зрения атеистической власти. Был ряд ложных доносов. В 1955 году протоиерей Димитрий Логачевский был уволен с должности настоятеля собора. В 1956 году игумен Ксенофонт (Синютин) был отправлен за штат. Много неприятностей и угроз претерпел отец Моисей (Чигвинцев). В 1957 году отец Димитрий Логачевский в 24 часа был выдворен из Уфы.

Тридцать лет на Самарской земле

Отец Димитрий с семьей уехал из Уфы в Куйбышев, где стал священником Покровского собора.

В 1960 году на Куйбышевскую кафедру был назначен Митрополит Мануил (Лемешевский) и был переведен в Куйбышев его духовный сын, иеромонах Иоанн (Снычев). Отцу Димитрию Логачевскому вновь выпала честь служить в одном храме вместе с двумя подвижниками благочестия, старцем и его учеником, который впоследствии стал старцем. У Бога случайностей не бывает. Под началом отца Димитрия Логачевского Митрополит Иоанн прошел путь от рядового священника до Архиепископа и Митрополита. Они были соратниками, единомышленниками.

«Истинное христианское смирение не имеет ничего общего с безволием, соглашательством, попустительством злу. Смирение христианина заканчивается там, где возникает опасность попрания святынь веры, осквернения заповедей Божиих, угроза благодатному устройению жизни», - утверждал Митрополит Иоанн.

В дневниках Владыки Иоанна хрущевского времени сохранились свидетельства о вызовах Митрополита Мануила к уполномоченному с требованиями запретить родителям водить своих детей в церковь, крестить их.

Секретарю епархии Андрею Андреевичу Савину уполномоченный угрожал тем, что отберет в интернат его собственных детей. Владыка Иоанн писал о закрытии храмов в разных епархиях, об избиении верующих милицией, об издевательствах неверующих подростков над православными людьми, о включении на всю мощь репродуктора на соседнем стадионе во время Богослужений в Покровском соборе.

Есть запись в его дневнике о том, как священников вынуждали в церкви на проповеди давать только «пересказ Евангельского чтения или жития святых, но никаких нравственных выводов...»

«1.03.1963. Во время чтения часов отец настоятель (*протоиерей Димитрий Логачевский - И.Е.*) был неожиданно вызван к уполномоченному. Продолжение вчерашнего разговора относительно проповедей. «Никаких нравственных выводов, - заявил уполномоченный, - так как это касается политики». - «Как же так, - заявил отец настоятель, - мы же учим людей не красть, не обманывать и т.п., неужели и это сказать нельзя?» - «Об этом говорите, - ответил уполномоченный, - только вот не говорите о том, что верующих осмеивают на улицах, гонят их и т.д.» Словом, не касайтесь той стороны, где говорится о мученичестве, о гонениях.

...Стремятся превратить пастырей в простых требоисправителей, отняв у них право на пастырство, т.е. право учить истинам веры и благочестия».

Но отец Димитрий не прекращал проповеди.

7 ноября 1977 года во время демонстрации кто-то бросил в окно Покровского собора бенгальский огонь (по другим источникам - бутылку с зажигательной смесью)... Во время пожара задохнулась в дыму алтарница, монахиня Мария (Мандрыкина), успевшая вызвать пожарных по телефону. От пожара почти полностью погибла роспись прошлого века и многие иконы... Огонь дошел до гробницы Митрополита Мануила в притворе и остановился. Восстановление храма продолжалось почти четыре года.

Впервые люди видели отца Димитрия Логачевского плачущим... Но он сразу взялся за восстановительные работы, прихожане щедро жертвовали на это средства.

В характеристике, данной отцу Димитрию Логачевскому Епископом Куйбышевским Иоанном в 70-е годы, написано: «Маститый служитель Русской Православной Церкви. Член Русских Поместных Соборов 1945 и 1971 гг. Как настоятель собора требователен. Хорошо проповедует слово Божие. С братией собора миролюбив. С исполнительным органом собора в контакте. В быту безупречен».

Таким он остался и до последних дней.

В 1981 году Владыка Иоанн поздравил отца Димитрия Логачевского с 80-летием и вручил ему Патриаршую награду, орден Святого Владимира II степени. В характеристике 1984 года Архиепископ Иоанн написал: «Пастырь он с большим опытом. К собратиям проявляет отеческую любовь и заботу».

Они любили Самару, и Самара любила их

В Покровском соборе было принято собираться всем священнослужителям праздновать Пасху и Рождество в доме отца Димитрия Логачевского. Туда же приходили священники Петропавловского собора, ведь в Куйбышеве было тогда всего две церкви. Митрополит Мануил всегда бывал у Логачевских в гостях на праздниках, и Владыка Иоанн тоже. Отец Димитрий за праздничным столом не присаживался, ухаживал за всеми гостями, шутил. Матушка умела принимать гостей, по словам отца Олега

Булыгина она была очень добрый, культурный человек. У них в доме все себя чувствовали хорошо.

А какую матушка готовила творожную пасху!

- Мой дед, протоиерей Николай Фомичев, служил вместе с отцом Димитрием. И моя бабушка рассказывала, как матушка Мария учила ее, тогда молодую попадью, готовить творожную пасху, давала ей свой рецепт. Такую вкусную пасху я больше уже никогда не пробовал, - говорит протоиерей Максим Кокарев.

Все вспоминали, что матушка Мария очень вкусно готовила.

Протоиерей Димитрий Логачевский (слева) и неизвестный нам священник.

Логачевские были гостеприимны, кто бы к ним ни пришел, они всех угощали, не гнушались никем, наверное, вспоминая свои скитания в голодные годы.

Однажды к протоиерею Димитрию приехала из Башкирии светская журналистка. Далекая от Церкви, не очень-то и представлявшая себе, к кому она приехала и у кого собирается взять интервью. Ее поразило количество гостей и помощниц в их доме. Как ей сказала одна из них, приходилось устраивать очередь на посещения гостей, составлять расписание, ведь если не ограничивать, то день и ночь у них будут люди. Прямо какое-то непрерывное паломничество было к ним. А отец Димитрий с матушкой, усадив гостью за стол с угощением, сразу же у нее спросили: «Вы где-нибудь устроились? Нет? Если эта комната вас устраивает, живите у нас!»

Они даже не знали, с чем эта незнакомая журналистка пришла, что будет писать о батюшке, а отнеслись к ней с таким вниманием и любовью... Она потом говорила: «Может, они святые? У меня было впечатление, что они наполнили меня благодатью, и я боялась ее расплескать». А ведь отец Димитрий был в то время уже совсем глухим, а матушка была в инвалидной коляске.

Эта единственная встреча с Логачевскими запомнилась журналистке Галине Старухиной на всю жизнь.

В 1992 году при Покровском соборе было создано сестричество, и сестры милосердия навещали больных стариков. Матушка Мария после перелома шейки бедра оставалась в инвалидной коляске, у отца Димитрия были большие легкие, и он не только оглох, но и почти ослеп. Но они так трогательно заботились друг о друге и так приветливо встречали гостей, что уходили сестры от них окрыленными.

Духовная дочь Митрополита Иоанна Елена Петровна Зимарева, часто бывавшая в доме у Логачевских, рассказывала:

«И с Владыкой Иоанном, и с отцом Димитрием было очень интересно беседовать. Оба они были высокодуховной жизни. Владыка Иоанн был - могучий молитвенник, а отец Димитрий - как ласковый дедушка был, но они оба были молитвенники. И мы, прихожане Покровского собора, были при них как одна семья. Родные. Отец Димитрий был очень ласковый, очень скромный. Мы познакомились, когда у нас заболел раком отец, в 1984 году. Это были его первые шаги в Православии. Отец говорил: «Мне только отца Димитрия приглашайте на исповедь». А он старенький. Я говорю ему: «Я найму машину». - «Не надо мне машины», - и вот он на трамвайчике да пешком ходил к нам через день причащать папу. А когда папа умер, я в благодарность стала приходить к отцу Димитрию, убираться там, приготовить что-нибудь. Матушка у него уже была на коляске, она упала и сломала шейку бедра... Я приходила к ним как к родным, они были очень рады, всегда угощали, конфеты какие-то, печенюшки.... Племянница приезжала к ним из Уфы. Имени ее я не помню. - Лариса? Лиля?.. - нет, не Лариса, другая. Она была замечательная, пухленькая, веселая как огонек, очень любила батюшку. Она работала шеф-поваром вагона-ресторана, приедет, наготовит всего, а отец Димитрий только поковыряет вилкой: «Я наелся». Он только молоко пил и больше ничего не ел. Приходилось идти на обман. Он спросит: «А сегодня не среда и не пятница?» - «Нет, батюшка», - отвечаешь, потому что знаешь, что если он молоко не выпьет, значит, совсем ничего не съест. Пожилой был совсем. А постоянно чем-то был занят, малярничал, что-то красил. Еще он все время что-то напевал.

Он мне давал читать книги духовного содержания в художественном оформлении. Я так радовалась. Я никогда таких раньше не видела. Про Меркурия Смоленского... Владыка Иоанн святоотеческие книги давал, а отец Димитрий - художественные. У него библиотека была художественного плана. Он ее очень любил».

Религиозная литература в советское время почти не издавалась. И отец Димитрий в течение жизни перепечатывал на машинке духовные книги под копирку по несколько экземпляров и раздавал их читать, дарил и переписанные от руки акафисты. У него было очень много акафистов.

Однажды отец Димитрий подарил Галине Андреевой акафист Святителю Иоасафу Белгородскому. Та сначала отнекивалась, а когда принесла акафист домой, то ее мама очень обрадовалась. Она почитала Святителя Иоасафа, «и откуда он только знал это, наверное, прозорливый был», - говорила она.

«До конца жизни - больно, не больно - он на все службы ходил. Матушка ему: «Мить, ты больной, сиди дома». Нет, он идет. Даже когда батюшка старенький был и уже не служил, его все равно привозили на службу, и он в алтаре на проскомидии частички вынимал», - рассказывала Ирина Логунова.

Когда он бывал в храме на чтении Великого канона Андрея Критского, то просил, чтобы его матушке в это время дома читали те же главы, - чтобы и она участвовала в общей молитве.

Ирина Логунова вспоминала: матушка очень любила акафисты, и когда к ней приходили, она все время просила, чтобы ей спели акафисты, и ей пели всегда.

И в девяносто лет отец Димитрий никогда не сидел без дела - или читал, или молился, или разбирал документы. Сетовал, что вот появилось время читать, а читать уже тяжело, подводит зрение. Но когда стена ободралась немного, он аккуратно зачистил шпателем и покрасил.

Дома у них всегда был порядок, было много вышивок матушки, они любили красивую посуду и любили ее дарить, дарили сладости, книги, легко давали деньги займы. Они помогали многим.

Логачевские почитали Блаженную Ксению Петербургскую. Отец Димитрий говорил мне: «Поедешь в Петербург, обязательно зайди на могилку Блаженной Ксении». Он рассказывал, как Блаженная Ксения его наказала: «Мы как приедем в Петербург, всегда сперва на могилку Блаженной Ксении, панихиду там отслужу, а тут приехали и пошли в какой-то большой универсам, матушка отошла куда-то, а я стою, и что такое - вдруг ничего не вижу. Понял, что это мне Блаженная Ксения: «Я тебя жду, а ты где?»

Поехали сразу же на могилку к ней, там он отслужил панихиду и снова стал видеть.

В последний день Ангела отца Димитрия привезли на службу, и он просто по памяти Евангелие прочитал, совсем слабенький был. «Не знаю, доживу ли до Преполовения?» - сказал тогда он. Не дожил, умер 18 мая 1992 года. Владыка Иоанн как раз приезжал в Самару из Санкт-Петербурга буквально на несколько дней и должен был в этот день уезжать, но что-то не получилось. Господь так задержал Владыку... Вечером Митрополит Иоанн привез огромный букет тюльпанов и сам разложил вокруг отца Димитрия цветы... Литию отслужили. Матушка сама вышила батюшке смертное облачение, очень красивое, белое с красными полевыми маками. Хоронили батюшку на Преполовение. Проститься с отцом Димитрием пришло очень много людей.

Перед своей кончиной он говорил матушке Марии: «А ты знаешь, нас с тобой скоро ведь разлучат!» Она не могла поверить: как такое может быть, это же невозможно!

Когда его похоронили на старом городском кладбище в Самаре, то рядом с ним оставили место для могилы матушки. Ей после его смерти было очень тяжело. Приехала из Уфы племянница Лариса, которая так редко появлялась у них в последние годы, и увезла ее в Уфу. Она обещала, что когда матушка отойдет ко Господу, ее привезут и похоронят рядом с супругом. Но этого не произошло, и матушка Мария похоронена в Уфе, на Тимашевском кладбище, ненадолго пережив мужа.

Еще мне рассказывали в Самаре, что отец Димитрий просил в конце жизни:

- Я скоро умру, и о матушке некому будет молиться. Детей у нас нет. Пожалуйста, поминайте мою матушку Марию!

И я прошу вас, если у вас будет возможность, поминайте протоиерея Димитрия и матушку Марию. Они любили Самару, и Самара любила их.

После этих слов несколько мгновений не прерывалась благоговейная тишина. А потом отец Нектарий с большой теплотой поблагодарил Ирину Николаевну Ентальцеву за рассказ о замечательном священнике и его верной матушке - и поддержал ее просьбу:

- Хотя отец Димитрий не родился в Самаре, но значительную часть своего священнического служения он отдал этому городу. И мы, самарцы, должны не забывать протоиерея Димитрия и матушку Марию в своих молитвах.

И еще архимандрит Нектарий сообщил, что эта встреча - лишь самое начало. «Здесь, в кабинете духовника Кирилло-Мефодиевского собора, каждое воскресенье после второй Литургии мы будем собираться за чашкой чая и беседовать обо всем, что нас волнует, что вам хотелось бы узнать. Будем встречаться с интересными людьми - такими, как сегодняшняя гостья».

Ольга Ларькина.

Фото из архива И.Н. Ентальцевой.

газета "Благовест", Самара.